

ИНКУБАЦИОННЫЕ РЯДЫ И ОСОБО ЦЕННЫЕ ФИТОЦЕНОЗЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА, ЗНАЧЕНИЕ ИХ ОХРАНЫ

Явления накладывания одних растительных ярусов на другие в горах детально описаны В. Б. Соçавой (1930) на восточных склонах Северного Урала и названы им «инкубациями», а возникающий при этом ряд ассоциаций — «инкубационной серией ассоциаций».

Образование инкубационных рядов у верхней границы леса характерно для многих горных стран, а также для полярной границы леса в лесотундре и южной границы его в лесостепи. В определенных условиях это явление прослеживается в горах и на нижней границе леса. Например, чередование ельника лугового разнотравно-злакового с чистыми (безлесными) участками степенного злаково-разнотравного луга, которое мы наблюдали в восточной части северного макрсклона на хр. Терской Ала-Тоо в Иссыккульском лесорастительном районе Северного Тянь-Шаня. Не случайно тип леса на этом нижнем лесном стационаре Тяньшанской физико-географической станции АН Кирг. ССР в своем названии имеет эпитет «луговой».

Есть основания полагать, что инкубации наиболее ярко выражены в тех условиях в горах или на равнине, где одна зональная или высотная формация сменяется другой, соответствующей другой зоне или высотному поясу.

Явление инкубации широко распространено в субальпийском поясе Западного Кавказа и ему уделяли внимание в связи с изучением распространения, исторического развития растительности и эволюции видов А. И. Лесков (1932), Е. Н. Синская (1933, 1943), И. И. Тумаджанов (1960) и др. Изучение инкубации на Западном Кавказе имеет особое значение, поскольку этот регион включает в себя значительную часть одного из уникальных центров третичной реликтовой растительности, именно часть Колхидской фитогеографической провинции. Этот центр оказывает обогащающее влияние на флору и растительность смежной с ним Кубанской фитогеографической провинции. Закономерен в связи с этим вопрос о спектрах инкубационных рядов и образующих их фитоценозов в Колхидской провинции в сравнении с таковыми Кубанской (по современному районированию, Гагнидзе, 1974). Таким сравнени-

ем представляется возможным оценить влияние колхидских элементов, особенно представителей колхидского подлеска: рододендронов понтийского и кавказского, лавровишни лекарственной, падуба колхидского, черники кавказской и др. на состав инкумбационных рядов обеих провинций, а также выяснить специфичность по этому влиянию каждой из провинций.

Основное число наблюдений за инкумбациями растительности в нашем регионе приходится на его Кубанскую провинцию. Выполнить более или менее полное сопоставление спектров инкумбационных рядов, описанных полвека назад (Лесков, 1932; Сипская, 1933), с современными не представляется возможным из-за отсутствия точной привязки в указанных описаниях, а также из-за существенных изменений в растительном покрове за пределами Кавказского заповедника, в том числе и в отторгнутых от него территориях за период после наблюдений упомянутых авторов, например, высокогорный массив Фишт-Оштен, ур. Дзеджурсан, верховье р. Цице и урочище Большой Бамбак.

В последующих исследованиях растительности субальпы вопросы инкумбации специально не обсуждались. Обзор этих работ сделан нами ранее (Придня, 1981). При характеристике растительности лесные фитоценозы с ярусом колхидских кустарников (например, рододендрона кавказского) и их заросли, произрастающие рядом с первыми, обычно рассматривались как самостоятельные сообщества и классифицировались как отдельные типологические единицы (типы лесов или кустарниковые сообщества). Аналогично рассматривались и сочетания лесных фитоценозов с ярусом субальпийского выссокотравья и его соседние ценозы.

Результаты наблюдений за инкумбациями в субальпийском поясе Кавказского биосферного заповедника имеют в настоящее время исключительно важное значение, поскольку по наблюдениям за пределами заповедника делать соответственные суждения о естественных инкумбациях практически по названным выше причинам не представляется возможным.

Нами выявлены инкумбационные ряды и сделано их сравнение в Колхидской и Кубанской фитогеографических провинциях в пределах Кавказского биосферного заповедника, где они оказались достаточно полными для этих целей и где, кстати, инкумбации в субальпийском поясе Колхидской провинции специально для указанной цели не изучались. Эти последние убежища инкумбаций в заповеднике, придавая особую

актуальность их изучению, накладывают особую ответственность за их сохранение, прежде всего для научных целей как источник информации о биологическом разнообразии и о естественно-историческом развитии биоценозов не только Кавказа, но и далеко за его пределами.

Сбор материалов произведен с 1971 по 1990 г.г. методами маршрутных обследований лесов и высокогорий, закладки постоянных экологических профилей и стационарных участков в лесном и субальпийском поясах. Основные наблюдения сделаны на трех главных экологических профилях: Центральном, Западном и Восточном, пересекающих заповедник с Главным Кавказским хребтом в меридианальном направлении на 50 постоянных пробных площадях от нижнегорной ступени лесного до субальпийского пояса. Особое внимание уделено Центральному экологическому профилю: бассейн р. Ачилес — г. Чугуш — ур. Медвежьи Ворота — ур. Лзитаку — долина р. Уруштен — бассейн р. Синяя, а также высокогорным ландшафтам в полигоне высокогорного популяционно-экологического и биогеоэкологического стационара «Джуга — Бурьянистая», примыкающего к восточному профилю. В него вошли урочища: п. Бурьянистая — хр. Аспидный — басс. р. Грустная — г. Джуга — ур. Порт-Артур — ур. Бамбаки — верх. р. Челепсы. Вместе с упомянутым центральным профилем эти высокогорные ландшафты представляют собой удобные объекты с серией экотонов как в смысле переходов от лесного к луговому поясу, так и из Кубанской к Колхидской фитогеографической провинции.

Анализируя списки инкубационных рядов (табл. 1, 2) фитоценозов в обеих провинциях, дополняя последние новыми (ранее не описанными) сообществами преимущественно с доминированием хвойных видов, сопоставим таким путем современное состояние инкубаций в этих провинциях.

В инкубациях, связанных с формацией бука в Колхидской провинции, обнаружен ряд, нехарактерный для Кубанской провинции, — это ряд фитоценозов бука с рододендронами кавказским и желтым (ряд 3, табл. 1), другие ряды с колхидским вечнозеленым подлеском в последней провинции представлены даже шире, чем в Колхидской, в частности это относится к сообществам с ярусом лавровишни и кавказского рододендрона.

Среди рядов с формацией березы повислой в Кубанской провинции обнаружен особый оригинальный ряд с рододенд-

Таблица 1

Инкумбационные ряды фитоценозов с формацией бука восточного в Колхидской (1) и Кубанской (2) ботанико-географических провинциях.

№№ п.п.	Инкумбационные ряды 1) фитоценозов	Провинции 1, 2	Распределение: урочище, экспозиция, высота и. у. м.
1.	Бук восточный — рододендрон кавказский рододендрон кавказский	1 2	Южные склоны г. Чугуш, 1950 — 1990 м. Северный склон г. Чехашка, 1990 — 1950 м.
2.	Бук восточный — лавровишня лекарственная	1 2	Южные склоны г. Маврикошки, 1750 — 1800 м. Западные склоны г. Чуба, ур. Джурсана, 1750 — 1800 м.
3.	Бук восточный — рододендрон кавказский + рододендрон желтый + черника кавказская	1	Хр. Хуко, между одноименными перешипами и озером, 1840 — 1880 м.
4.	Бук восточный — субальпийское высокогорье	1 2	Юго-восточный склон г. Б. Чура, 1760 — 1790 м, северо-западный склон отрога Иегош (к Б. Чура), 1750 — 1780 м, южный склон г. Чугуш. Южный склон к р. Сивей, 1750 — 1780 м.

1) Второй и последующие члены рядов (фитоценозы) имеют вид сообществ, следующих после тире с названием доминантов прусов, другие виды указаны через плюс (см. п. 1).

роном кавказским и бореальными элементами — черникой обыкновенной и водяникой кавказской. Спектр рядов в этой провинции и, особенно территория, общая для нее и Колхиды значительно шире, чем в последней.

В формации клена высокогорного и других лиственных видов (табл. 2) инкумбации в Кубанской провинции отличаются одним оригинальным рядом: буково-рябиново-березовый фитоценоз с рододендром кавказским и желтым и сообщества этих кустарников. Другие ряды обеих провинций или общи для них, или близки по своей структуре (ряд 3, табл. 2).

Ниже представим наиболее ценные сообщества, требующих особого внимания к их охране, особенно за пределами заповедника.

1. Популяции широко распространенных в регионе типичных видов, характерных для трех фитогеографических провинций: Колхидской, Кубанской и Новороссийской, входящих в единую Эвксинскую провинцию. 1а. Фитоценозы с доминированием этих видов, характерные для тех же подпровинций.

Благодаря редкости и реликтовости таких видов, как восточный бук, кавказская пихта, восточная ель, благородный каштан и др., их популяции и фитоценозы с их доминированием следует считать также редкими. Охрана популяций этих видов и фитоценозов с их доминированием осуществляют заповедники: Кавказский — пихты, бука, каштана; Тебердинский — ели, пихты, сосны; Рицинский — пихты, сосны. Среди указанных фитоценозов следует выделить наиболее продуктивные, поскольку в них ценопопуляции деревьев наиболее продуктивны и характеризуются максимальным генотипическим богатством.

2. Популяции редких реликтовых и эндемичных видов тех же провинций. Среди них: ягодный тисс, колхидский самшит (Кавказский заповедник) пицундская сосна, земляничное дерево, древовидный вереск — представители средиземноморской флоры в Пицунда-Мюссерском заповеднике. К этой же группе следует отнести и популяции вечнозеленых третичных видов, распространенных в подлеске пихтовых и широколиственных лесов Колхидской провинции: понтийского рододендрона, колхидского падуба, лекарственной лавровишни, подлистной и понтийской иглии. Это же относится и к популяциям третичных реликтов и эндемиков субальпийского, альпийского и субнивального поясов. Среди них популяции кавказского рододендрона, цельнолистных кавказских рябин и др. 2а. Фитоценозы с доминированием указанных видов и с наивысшей их продуктивностью.

3. Популяции видов, являющихся потенциальными донорами генетического материала для современных возделываемых человеком растений, которые могут возделываться в будущем. Среди них — хлебные и кормовые злаки (рожь Куприянова, эгилопсы, пырей и др.), дикие плодовые (черешня, алыча, груша, яблоня и др.). К этой категории относятся: грецкий орех, благородный каштан и другие дикие сородичи возделываемых растений, а также виды, имеющие важное значение: лекарственное или техническое. К этой категории следует отнести виды лекарственных растений с особо ценным генофондом, например, великолепный безвременник, кавказская диоскорея и др.

Инкумбационные ряды с формациями клена высокогорного и других лиственных видов

№ п.п.	Инкумбационные ряды	Провинция 1, 2	Распространение урочище, высота н. у. м., м.
1	Рябина обыкновенная + клен высокогорный + бук восточный + береза Литвинова — рододендрон кавказский — черника обыкновенная	2	Южные склоны г. Аишхи, 1900 — 1950 м; Южные склоны г. Хуко, 1700 — 1750 м.
2	Клен высокогорный — рододендрон кавказский + рябина мигарская — черника обыкновенная	2	Истоки р. Дзитаку, 2050 м.
3	Рябина обыкновенная + бук восточный + береза повислая — рододендрон кавказский + рододендрон желтый	2	Крутой обрывистый склон правого берега р. Синей, 1680 — 1720 м.
4	Клен высокогорный + рябина обыкновенная — рододендрон кавказский	1	Южный склон г. Чугуш, 2020 м.
5	Клен высокогорный — субальпийское высокоотравье	1 2	Южный склон г. Хуко, 1650 — 1680 Правобережье р. Синей, 1670 м.
6	Клен высокогорный + береза повислая + рябина обыкновенная — субальпийское высокоотравье	1	Южный склон отрога г. Фишт (г. Хуко), 1680 м. Северные склоны на правобережье р. Синей, 1630 — 1650 м.

См. примечание к табл. 1.

Приведем краткие характеристики выявленных нами фитоценозов, ранее не описанных, дополняющие общий список охраняемых растительных инкумбаций, фитоценозов. В Колхидской провинции.

1. Фитоценоз можжевельника низкорослого с вейником тростниковидным (*Juniperetum calamagrostidosum*) развит на южном склоне вершины г. Хуко (1900 м н. у. м.). *Juniperus hemisphaerica* достигает 60% проективного покрытия. Кроме можжевельника изредка встречаются: рябина мигарская, рябина

обыкновенная, клен высокогорный, рододендрон кавказский, рододендрон желтый, черника кавказская, черника обыкновенная, брусника, полчягодник скученный, шиповник щитковосный, береза повислая, ива козья. Фон травяного покрова создает вееник тростниковидный: довольно обилён горец мясокрасный, встречается касатик сибирский, колокольчик речничатый, чемерица Лобеля, иван-чай узколистый, марьяник кавказский. Фитоценоз включает элементы бореального комплекса. Вероятно, в данном местообитании был развит в прошлом сосняк можжевеловый: отдельные экземпляры сосны встречаются в этом районе, а популяции ее произрастают в лесном поясе на высоте 1000 — 1200 м в виде узких полос сосняков рододендроновых на гребнях с обнажением материнских пород на левобережье р. Бсюк. Встречаются они в Лазаревском районе и восточнее — на левом берегу близ устья р. Ачипсе (приток Мзымты).

2. Фитоценоз с 1-м ярусом из мигарской рябины (*Sorbus nigatica*) в самой верхней ступени субальпийской древесно-кустарниковой растительности по южным склонам г. Аишхи и на южных склонах верховий р. Бзерпи (ур. «Медвежий ворота»). Аналогичные фитоценозы с доминированием этого вида встречены нами на северных склонах г. Джемарук, где он произрастает на тех же высотах, что и в упомянутых местах — 2000 — 2050 м н. у. м. (определен Т. И. Занкопниковой по нашим сборам). Этот вид образует инкубационный ряд с кленом высокогорным, восточным буком, березой повислой.

3. Фитоценоз рябины обыкновенной с кленом высокогорным, буком, березой повислой, осиной, ярусом рододендрона кавказского и черники обыкновенной; местами 1-й ярус представлен почти чистой рябиной обыкновенной. Инкубационный ряд включает кроме этого ценоза, сообщество рододендрона кавказского и черники обыкновенной и ценоз черники. Распространены фитоценозы на южных склонах: Аишхи, Чугуша и отрогах Хуко к Черкесскому перевалу.

4. Фитоценозы рододендрона с переходными между кавказским и понтийским формами встречаются как в полосе родоретов (г.г. Хуко, Б. Чура, Чугуш, а также «Медвежий ворота»), так и в лесном поясе в местах контакта с субальпийским. Подобное явление отмечено и в синузии рододендрона в пихто-букняке колхидско-кустарниковом; у рододендрона понтийского паряду с соцветиями типичной для него лиловой окраски встречены формы с белыми и желтовато-белыми тонами околоцветников.

5. Обращает на себя особое внимание фитоценоз дубняка грабниково-скуплиево-эпимедиевого в нижнегорной ступени лесного пояса. Этот фитоценоз развит на склоне г. Ахун в Тисо-самшитовой роще на выходах меловых отложений (320 — 350 м н. у. м.), где эдифицирующая роль скального дуба (доминант) не столь сильна, как в других его сообществах (например, в дубняке азалиево-черничном), что позволяет вселиться в фитоценоз еще около 30 древесно-кустарниковым видам, что составляет половину состава дендрофлоры Тисо-самшитовой рощи, в целом, довольно богатого (и почти такому же числу видов трав). На площади 301 га произрастает 75 видов деревьев и кустарников, а на 0,25 га, занятых названной ассоциацией — более 30 видов дендрофлоры.

В древостое выделяется два яруса, которые характеризуются следующими показателями.

1. 6Д, 3Яс, 1Ил, ед. Грб, Лп, Кл. кр., Кл. яв. Высота дуба — 21,5 (12,6 — 33,5) м, диаметр — 28 (7 — 65) см. Эти показатели у ясеня соответственно: 15,3 (8,8 — 19,1) м и 17 (9 — 20) см.

2. 7Грбн., 1Бояр., 1Киз., 1Брк + Скупп., ед. Клек. Высота грабника — 15,4 (6,6 — 19,5), диаметр — 19 (8 — 22) см. Общая сомкнутость 0,9, на 1 га — 600 стволов.

Ниже приводятся все встреченные в этом фитоценозе виды деревьев, кустарников и кустарничков, которые препятствуют возобновлению основных лесообразователей (1 яруса). Большинство их образуют густой подлесок и 2 ярус древостоя. Виды в порядке убывания размеров от 1-го яруса древостоя к напочвенному покрову: дуб скальный, клен красивый, ясень обыкновенный, клен-явор, ильм (вяз гладкий), граб обыкновенный, липа кавказская, черешня, граб восточный (грабник), груша кавказская, тисс ягодный, берека, боярышник мелколистный, кизил, лавровишня, скуппия (очень обильна в подлеске), бересклет широколистный, бирючина обыкновенная, рододендрон желтый, падуб колхидский, илюц колхидский, сассапариль, ожина, жимолость душистая, волчник кавказский, иглица подлистная, эпимедиум улиткообразный (обиле в напочвенном покрове).

В травяном ярусе в течение года сменяется несколько аспектов от раннецветущих (цикламен абхазский, кандык кавказский, пролеска сибирская) до летне-осенне-зеленых (овсяница боровая, ясенец кавказский) видов, передки также некоторые зимнезеленые: многоножка обыкновенная, листовик

сколопендровый, костенец зеленый. В целом ассоциация представляет пример связующей между колхидской растительностью Эвксинской провинции и Средиземноморской области.

В Кубанской провинции.

1. Сосняк-пихтарник азалиево-черничный субальпийский (*Pineta abietum rododendreto-vaccinetum*) произрастает на юго-восточном отроге г. Джуги (к поляне Бурьянистой) на пологом ровном склоне южной экспозиции. Фитоценоз занимает участок около 30 га с отметками высот от 1950 до 2030 м н. у. м. с маломощными грубоскелетными супесчаными почвами с выходами на дневную поверхность конгломератов в виде крупнообломочных глыб (до 5 м в диаметре) и щебня.

Древостой сложен кавказской пихтой с сосной крючкова-той, при этом по числу стволов преобладает пихта, а по запасу — сосна (табл. 3). Пихта, имея численное превосходство, занимает второй ярус, она угнетена сильнее, чем сосна. Пихта занимает своеобразную экологическую нишу, поселяясь под защитой сосны, которая, благодаря раскидистой кроне, значительно ослабляет прямую и рассеянную солнечную радиацию, предохраняя таким путем пихту от солнцепека на открытом инсолируемом склоне с бедными сухими маломощными каменистыми почвами. В этой ассоциации пихта удерживает свои позиции, по-существу, на экологическом пределе существования, что стало возможным благодаря защите, оказываемой ей сосной. Пихта сохранила крону по всей длине ствола до поверхности почвы, много суховершинных деревьев, многочислен отпад (сухостой достигает 61 экз/га или 10%, много валежа. Отмирают преимущественно мелкие деревца.

Таблица 3

Таксационная характеристика древостоя фитоценоза сосняка-пихтарника азалиево-черничного

Состав:	Порода	Возраст	Сомкну- тость	Высота, м	Диаметр на высоте груди	Число ство- лов на 1 га	Сумма пло- щадей се- чения, м ² /га	Запас м ³ /га
1) 0,8П 0,2С	П	95	0,5	10,5	20	575	18,0	107,1
2) 0,48П 0,52С	С	180	0,5	15,9	46	139	22,7	117,8
					Всего: 714 40,7 224,9			

Состояние сосны значительно лучше, чем пихты. Стволы сосен хорошо очищаются от сучьев, чему способствует существование яруса пихты. В раннем возрасте сосна растет заметно лучше пихты. Отпад сосны тоже значителен: число мертвых достигает 28% и составляет 53 экземпляра на га, при этом преимущественно крупных и средних размеров.

Возобновление обоих видов идет чрезвычайно слабо, на 1 га насчитывается до 1 тыс. экземпляров подроста пихты в возрасте 5 — 15 лет до 0,5 тыс. экземпляров подроста сосны, в таком же количестве — клен высокогорный и рябина обыкновенная. Препятствием возобновлению несомненно служит мощный ковер подлеска из кавказской черники и желтого рододендрона, под которым при уменьшении густоты их яруса довольно обильно распространены обыкновенная черника и изредка брусника. В небольших прогалинах среди подлеска встречаются единичные экземпляры травянистых растений, проективное покрытие их не более 5%. задернения почвы они практически не создают. По частоте встречаемости эти виды располагаются в такой ряд: *Calamagrostis arundinacea*, *Senecio platyphylloides*, *Valeriana alliarifolia*, *Pirola secunda*.

Из эпифитов отметим лишайники из р. *Usnea*, которые поселяются почти на всех деревьях. Это весьма редкостный фитоценоз. Он является климаксовой стадией развития сосняков-пихтарников азалиево-черничных, в то же время одним из звеньев инкубационного ряда. Другие его звенья: сосняк с желтым рододендром и черникой, желтый рододендрон — кавказская черника, она же и обыкновенная черника. В 1990 г. нами встречен молодой вариант этого фитоценоза. 2. Сосняк войниковый (*Pinetum calamagrostidosum*) развит на южном крутом (30 — 40°) вогнутом склоне хребта Порт-Артур (обращенном к верховьям р. Кабанья Балка). Участок склона с отметками высот от 1800 до 1900 м н. у. м. представляет собой откос оползневой балки со следами выноса с пригребневой части склона крупноглыбового конгломерата с включением кварцита. Почвы песчаные маломощные крупносkeletalные суховатые. Увлажнение — за счет атмосферных осадков и притока талых вод с вышележащих субальпийских лугов. Древостой монодоминантный, сложен сосной крючковатой, в значительном количестве примесь пихты кавказской, рябины обыкновенной, березы повислой, ивы козьей и клена высокогорного. Состав: 10С + П, ед. Рб., ед. Б., ед. Кл. в., ед. Ив. Высота 20 м (3 — 26 м), диаметр 28 (3 — 50 см). Сомкну-

тость — 0,7; бонитет IV, на 1 га — 426 стволов и запас стволовой древесины — 340 м³, отпад довольно значителен, но меньше, чем в предыдущем сообществе, мертвых деревьев — 17%.

Возобновление протекает слабо. В подлеске лишь изредка встречается *Rosa canina*.

Травяной покров развит довольно хорошо, проективное покрытие достигает 90%. Фон создает сплошной ярус вейника *Calamagrostis arundinacea*, достигающего 130 см высоты. Другие виды встречаются редко, выделяются на общем фоне лишь отдельные куртины валерианы *V. alliarifolia*, черники обыкновенной и брусники. В составе травостоя представители различных ценологических и экологических групп: основу составляют виды лесного бореального комплекса, присущие безразновым и сосновым лесам Северного Кавказа: *C. arundinacea*, *Lusula multiflora*, *Aconitum orientale*, *Solidago virgaurea*, *Cicerbita abietina*, *Krautia montana* — *Polygonatum verticillatum*. Ареал сообщества *Pinetum calamagrostidosum* обширен, оно довольно широко распространено на северном макросклоне Большого Кавказа, сравнительно реже встречается на склонах Малого Кавказа. На южном макросклоне Большого Кавказа оно распространено в бассейне р. Ингури. Все это дает основание считать принадлежащими к одному инкумбационному ряду следующие ассоциации: *Pinus hamata* — *Calamagrostis arundinacea* — *Calamagrostis arundinacea*, встречающиеся в восточной части Кавказского заповедника (хребет Порт-Артур — ур. Бамбак) и относительно широко распространенные восточнее.

3. Заметное распространение в бассейне Киши (склоны к правобережью р. Грустной) и в бассейне р. Уруштен (в верховье р. Челпсы) имеет инкумбационный ряд: *Betula pendula* *Rh. caucasicum* — *Vaccinium myrtillus* — *Rh. caucasicum* — *V. myrtillus* — *V. myrtillus*.

4. В этих же районах и между ними встречен еще один интересный ряд: *Rh. caucasicum* — *V. myrtillus* — *Empetrum caucasicum* — *V. myrtillus* — *E. caucasicum* — *E. caucasicum*.

В этих инкумбационных рядах участвуют третично-колхидские и бореальные элементы.

Отметим наиболее распространенный спектр фитоценозов, занимающих соответствующие высотные ступени в рассматриваемом районе, начиная с верхнегорной ступени лесного пояса, замыкаемого пихтарниками высокотравными. Наблюдаются следующие участки ассоциаций, объединенные в инкумбационные ряды,

1. Кленовое редколесье — субальпийское высокоотравье — субальпийское высокоотравье.

2. Кленово-березовое редколесье — субальпийское высокоотравье — субальпийское высокоотравье.

3. Березовое криволесье — кавказский рододендрон с примесью черники обыкновенной — кавказский рододендрон — черника обыкновенная — сообщество черники обыкновенной.

4. По хребтам иногда встречаются ряд: сосна обыкновенная — можжевельник прижатый — можжевельник прижатый.

5. По мере продвижения от хр. Аспидного в сторону ур. Челысов — Матакана и горному массиву Тро-Ягыргварта в поясе родоретов появляется ассоциация рододендрона кавказского с водяницей.

Заключение

Разнообразие экотопов и особенно протяженность территории, занятой инкубациями в Кубанской провинции, в том числе и с вечнозеленым колхидским подлеском, значительно больше, чем в Колхидской в пределах Кавказского заповедника. Это связано со значительно большими площадями субальпийского пояса северного макросклона Главного Кавказского хребта по сравнению с южным, как в пределах заповедника, так и за его границами на Западном Кавказе.

Таким образом, Кубанская провинция по спектру инкубационных рядов, включая фитоценозы с элементами колхидского флористического комплекса, не беднее Колхидской, а площади их в первой значительно больше, чем во второй. Это согласуется с высказыванием В. Б. Сочавы (1946) о необходимости проведения восточной границы ботанико-географической провинции, обогащенной колхидскими элементами по междуречью Б. Лаба и Уруп, а не по Главному Кавказскому хребту, где проводится граница между Кубанской и Колхидской провинциями. Насыщенность высокогорий Кубанской провинции колхидскими элементами с учетом ее буково-пихтовых лесов позволяет отнести часть ее в пределах Кавказского заповедника к общей Эвксинской фитогеографической провинции, выделяемой В. П. Малеевым (1948) и А. Л. Тахтаджяном (1978).

Ответственность за сохранение природы Кубанской провинции столь же велика, как и Колхидской, поскольку обе они почти в равной мере представляют собой Колхидский Центр третичной реликтовой растительности, а Кубанская к тому же — основные убежища уникальных популяций эндемичных крупных копытных и птиц.

Литература

Лесков А. М. Верхний предел леса в лесах Западного Кавказа // Ботан. журн. СССР, 1932, т. — 17, № 2, с. 227 — 259.

Малеев В. П. Растительность Причерноморских стран (Эвксинской провинции Средиземноморья), ее происхождение и связи // Тр. БИН АН СССР, 1940, сер. 3, вып. 4, с. 135 — 251.

Придня М. В. Леса субальпийского пояса // Природные ресурсы и производительные силы Северного Кавказа. Растительные ресурсы, ч. 1. Леса. Изд-во РГУ, 1980, с. 225 — 238.

Синская Е. Н. Основные черты эволюции растительности Кавказа в связи с историей пиков // Ботан. журн. СССР, 1933, т. 18, № 5, с. 370 — 407, № 6, с. 487 — 515.

Синская Е. Н. Динамика вида. М. — Л. Сельхозгиз, 1948, с. 527.

Сочава В. Б. Некоторые ботанико-географические результаты экспедиции АН СССР на Северо-Западный Кавказ в 1945 г. // Сов. ботаника, 1946, № 3, с. 132 — 137.

Тахтаджян А. Л. Флористические области Земли. Л.: Наука, 1978, с. 247.

Тумаджанов И. И. К типологии субальпийских криволесий Тебердинского заповедника // Труды ТГЗ, вып. II, Ставроп. кн. изд-во, 1960, с. 63 — 104.